

Школа общины с Хулианом Карроном
16 декабря 2020 г.
Видеоконференция

*Тексты: Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. Прочертить след в истории мира. М., 2019.
Гл. 2, п. 7. «Ответственность и решение»*

- *Sou feliz Senhor*
- *Ностальгия по настоящему*

Слава...

Всем добрый вечер! Сразу же начнем нашу работу над текстом школы общины, коротким, но очень насыщенным, о чем свидетельствовали ваши письма.

У меня есть вопрос, точнее ряд вопросов, на который я не могу ответить, на который, кажется, никто не знает ответ. Я читала и перечитывала седьмой пункт второй главы, я попросила нашу группу вернуться к нему дважды, но никак не могу пойти дальше первой строки. Джуссани говорит, что Бог меня любит, говорит как несомненный факт. Я существую, добавляет он, имею содержание только потому, что Он меня любит. От меня же требуется (и важно, чтобы я это сделала) «признать и принять», что Он любит меня. Далее Джуссани говорит, что признание, настоящее признание, на деле, а не на словах, делает меня главной героиней моей жизни, придает жизни вкус. Хорошо, но, если я думаю о моей жизни, о том, как я живу, что испытываю, чего желаю, что значит чувствовать себя любимой, мне не удастся понять... Как я могу говорить, что Бог меня любит? Как я могу быть уверенной, что Он меня любит? Что именно мне нужно признать и принять? Я попробовала действовать методом исключения. Речь, конечно, не о силлогизме, не о рассуждении: «Бог меня сотворил, творит меня до сих пор (ведь я живу), и, следовательно, Он любит меня». Речь не об этом, потому что от рассуждений я совершенно не чувствую себя любимой. А это только рассуждение, которое ничего и на йоту не меняет в моей жизни. Речь и не о том, что я чувствую, когда все идет хорошо, не о том, что «Бог меня любит, поскольку Он дает мне, чего я прошу». Все не так, часто жизнь идет плохо или не как нам хотелось бы. Речь даже не о чем-то, что я испытываю, «потому что у меня есть друзья, благодаря которым я ощущаю себя любимой». Так тоже не может быть, ведь часто я чувствую себя одинокой в окружении друзей, хороших друзей. Джуссани приводит в пример Двенадцать, Петра и их дружеские отношения с Иисусом. Но у меня нет такого друга, как Иисус, никто, никто из моих друзей не может стать даже подобием Иисуса для меня. И поэтому я не знаю, как ответить на вопросы, которые я тебе задала.

А твоя мать тебя любит? На этот вопрос ты в состоянии ответить?

Да.

Несмотря на все ее ограничения?

Да.

Почему ты это признаешь? Потому что оказываешься перед любящим тебя присутствием. Тогда легко понять все, что говорит Джуссани о любви Бога. Единственное, что важно для тебя, как и для меня, – признавать, принимать это. Уверенность в любви твоей мамы не плод рассуждений или чувств. И то, что у нее есть ограничения, не уменьшает эту уверенность. Трудность, о которой ты говоришь, существует в любом отношении. основополагающий вопрос, предшествующий всем остальным, заключается в том, способна ли ты, ложась спать сегодня вечером, сказать, что твоя мама тебя любит. Как можно утверждать это с уверенностью? Что ты делаешь, чтобы уверенно говорить о любви твоей мамы к тебе? Как бы ты действовала?

Я бы обняла ее.

Почему ты бы обняла ее, если еще не знаешь, любит ли она тебя? Откуда ты знаешь, что она тебя любит?

Я это знаю по тому, как она заботится обо мне, по ее взгляду на меня, по ее делам...

Ты смотришь на знаки, которые подает тебе мама, так?

Да.

Это не рассуждение, не чувство, не что-то, что ты ставишь под сомнение, когда замечаешь ее возможные недостатки: при всех ее недостатках в определенных действиях, которые она совершает, ты ощущаешь всю ее пламенную любовь к тебе и таким образом становишься уверенной в том, что она тебя любит. Такой же путь проделали ученики в отношении с Иисусом. Вопрос, следовательно, в том, можем ли мы сегодня идти их дорогой, чтобы прийти до признания любви Иисуса, Бога. Если это невозможно, тогда права ты. Христианство – в точности как событие материнской любви, которая проявляется в определенных знаках. Ты не можешь сфотографировать любовь твоей мамы, но можешь увидеть знаки, с помощью которых она показывает тебе, какое ты для нее благо, насколько ты любима. Это облегчает признание: «Я любима». Я настаиваю: это тот же путь, который проделали ученики. В определенный момент им пришлось ответить на вопрос о Его любви к ним, когда Иисус бросил им вызов: «Не хотите ли и вы отойти? Не сомневаетесь ли вы, что Я вас люблю?» – «Куда нам идти? Только у Тебя есть слова, наполняющие жизнь» (ср. *Ин.* 6:67–68). Случалось ли тебе ощущать подобный трепет, когда в каком-то знаке ты уловила любовь к тебе? Почему ты христианка? Почему ты здесь сегодня вечером? Мне понятна твоя трудность. Подумай о человеке вроде Азурменди, который слышал разговоры о христианстве всю свою жизнь. Его сдвинуло не рассуждение, а встреча с чем-то, с чем он не мог не считаться, с чем-то, что нельзя было свести к его мыслям, встреча с присутствием, воплощенным в лицах. Ты должна проделать тот же самый путь, чтобы понять, нашла ли ты знаки Божьей любви к тебе. Если ты их не находишь, самостоятельно их не произвести. Если твоя мама не подает тебе знаков своей любви, я не смогу тебя убедить в этом, прочитав лекцию о любви или о том, что чувствует тот, кого любят. Если человек не влюбится, я не заставлю его влюбиться с помощью рассуждений; если бы этого было достаточно, я открыл бы агентство для людей в поиске кого-то, кто бы их полюбил, и это был бы отличный бизнес! Мы не можем творить христианство, не мы его производим. В течение года, работая над книгой «Прочертить след в истории мира», мы

видели, что все начинается с события. В седьмом пункте Джуссани настаивает на этом, поскольку именно в силу события мы можем признать, что «мы любимы», потому что избраны, потому что нам оказано предпочтение, потому что нам дана способность по-новому познавать реальность, потому что мы обняты, прощены. Все, что мы видели, – знак этого события. Если человек этого не признает, если ты не признаешь это на жизненном пути, произвести это самостоятельно нельзя. Следовательно, единственное, что от нас требуется, – смотреть. Смотри! Чтобы быть уверенной в любви твоей мамы, ты должна смотреть на знаки. Аналогично посмотри, ощутила ли ты в жизни, что Бог любит тебя. Если не ощущала, но тебя поражает, когда ты видишь, как кто-то другой это признает, начинай просить об этом и будь внимательна к тем, кто замечает знаки Его любви. Я не говорю, что ты должна верить на основании того, что видят другие, но, будучи внимательной, ты, возможно, и сама начнешь видеть знаки, даже сегодня вечером, еслимотришь с вниманием. Хорошей работы!

В седьмом пункте меня поразили слова Джуссани: «Нас полюбили, нас любят, и поэтому мы „есть“» (С. 113). Они поражают меня, потому что он не говорит: «Мы чувствуем себя любимыми». Он даже не говорит: «Вы любимы, и поэтому у вас все хорошо». Джуссани утверждает это как условие Бытия, он говорит, что «конкретная, выраженная в действии связь нашей личности с тайной Бытия определяется этим первичным, основополагающим законом: признать и принять тот факт, что мы любимы» (Там же). В ходе работы над этим пунктом в нашей группе школы общины все рассказывали эпизоды, когда они почувствовали себя любимыми, и я осознала, что хочу лучше понять, что это значит для меня. Я догадываюсь, что все в жизни зависит от этого признания. Я вижу риск в том, чтобы, возможно, неосознанно, свести любовь ко мне к моему восприятию. Это ужасно, поскольку тогда все, в том числе и мой взгляд на саму себя, редуцируется до моей меры и не сохраняется, потому что в определенный момент ты начинаешь биться головой о стену мрачных моментов, обстоятельств и отношений, которые складываются не так, как ты задумала. Горизонт жизни сужается до моего восприятия, и в конечном итоге я проверяю лишь мои собственные попытки. Я словно превращаюсь в капризного ребенка. На самом деле я хочу быть «большой», хочу жить на высоте моего желания, жить на сто процентов и не оставлять в стороне ничего, ни одного момента усталости, как тот, который я переживаю сейчас. Поэтому прошу тебя, помоги мне лучше понять, что значит признавать, что мы любимы.

Ты заметила, как сделала шаг в сторону? Ты начала с того, что нас любят, и поэтому мы есть, как говорит Джуссани. Однако в определенный момент ты все свела к твоей мере и стала проверять твои собственные попытки, которые не выдерживают напора жизни. Это доказывает, что ты отошла предложения школы общины. Но не нужно пугаться, такой риск, как видишь, – часть пути к уверенности. Ты говоришь, риск в том, чтобы редуцировать любовь к тебе до твоего взгляда на саму себя, до твоей меры. Часто вместо того чтобы быть постоянно открытыми для любви другого к нам, мы поддаемся искушению, существующему в отношении привязанности: оценивать любовь другого к нам согласно нашей мере, согласно тому, на что способны мы. Но когда ты придерживаешься твоей меры, у тебя ничего не получается. Осознание этого – работа, которую как раз и предлагает нам школа общины.

Перед лицом все более сложной и проблематичной ситуации в наиболее значимых отношениях есть два пути. Первый – продолжать анализировать проблему со всех точек зрения, чтобы выявить, кто «виноват» в происходящем, но не найти никакого выхода, как

кошка, которая все больше запутывается в клубке шерсти. Второй – смотреть, что говорит школа общины, единственное место, где я обрела дыхание, где почувствовала освобождение оттого, как превозносится моя личность: «Нас полюбили, нас любят, и поэтому мы „есть“». Это утверждение поистине «оригинально», в том смысле что оно отсылает к первоисточку, но как же часто я этого не сознаю! Если меня уже любят, то почему я этого не вижу, почему я так рассеянна? Почему я пытаюсь жить тем, что меня не удовлетворяет и оставляет пустоту в сердце? Или, еще хуже, тем, что сеет во мне беспокойство, создающее иллюзию жизни, потому что я, как Марта, забочусь о многих вещах, ничем, однако, не наслаждаясь? Только когда я сознаю, что мое сердце дышит, если признает Тебя, Господи, что вся моя жизнь, все фибры моего тела, моего существа устремлены к Тебе, – только тогда я ощущаю потребность не теряться в других вещах. В сегодняшней ситуации Твое обещание близко ко мне в этот Адвент, как звезда была близка к волхвам: «Он... пожелал прийти к нам, жить рядом со мной и разговаривать со мной запросто Своими словами... почерпнутыми из вечности, из глубины бытия, частью коего Он меня сотворил» (С. 114). Что я могу сделать, кроме как позволить такому прекрасному рождественскому пожеланию побуждать и убеждать меня? Разве могу я не умолять Господа, чтобы эти слова, Его слова воплощались во мне? Есть ли что-то более важное, чего я могу ждать, чем могу жить, о чем могу говорить другим, нежели то, что Слово вновь становится плотью, чтобы я не заблудилась, не сбилась с пути? Он вновь являет Свое присутствие, чтобы я признала Его. Слово вновь дается мне в истории, чтобы Он достиг меня конкретным образом, здесь и сейчас. Поэтому я благодарю Господа за Его терпение, а Движение – за то, что оно с помощью текста школы общины не устает на протяжении трех недель подряд повторять мне об этом, чтобы в один прекрасный момент я дошла до созерцания этого единственного в своем роде дара. А остальное будет видно...

Это пример того, как можно работать над школой общины. Мы можем читать одно, а проверять что-то совсем другое. Так мы отходим в сторону и проверяем уже не веру, не христианство, не Христа, а наши попытки и усилия, изначально провальные, недостаточные в жизненных ситуациях или важных отношениях (с мужем, с детьми, с друзьями). Однако всегда есть альтернатива тому, чтобы постоянно упрекать самих себя в том, как у нас ничего не получается, или искать виноватых. Именно это обещает нам школа общины: вместо того чтобы замыкаться в себе и искать, что нам удастся и соответствует нашей мере, можно смотреть в другом направлении. Это крайне важно, ведь если нет присутствия, если нет места, постоянно смещающего нас с нашей позиции, нам конец. Если бы у тех, кто сегодня выступает, не было возможности собираться здесь, в месте, которое меняет наш привычный образ действия, они продолжили бы делать школу общины, но при этом бросали бы все силы исключительно на собственные попытки, не следуя за тем, что утверждает школа общины. Как только человек замечает это, он начинает дышать полной грудью в том, чем живет, он испытывает освобождение, чувствует, как превозносится его личность. Это и есть «тест» школы общины, и каждый может провести его дома или на работе, в отношении с детьми, с мужем, с кем угодно. И значит, у нас есть два способа делать школу общины. Раз вы здесь, хотя бы один раз вы работали над ней всерьез, а иначе никто из вас ничего бы мне не написал и не рассказал то, что вы рассказываете. Вопрос в том, что можно читать текст и не позволять ему сдвинуть с нашей позиции. Как только мы ему это позволяем, на наших глазах начинает исполняться обещание. Поэтому полезно делать школу общины вместе: так мы помогаем друг другу постоянно отступать с позиции нашей меры. С текстом мы можем обращаться как угодно. Следовательно, нужно, чтобы в настоящем было присутствие, которое нельзя редуцировать

и которое не дает нам подчинять текст себе, теряя при этом лучшее. Это как если бы рядом с тобой была твоя мама, которая, несмотря на все твои капризы и твою меру, продолжает тебя любить и своим присутствием бросать тебе вызов, как бросал его Иисус ученикам. Христианство – такое присутствие в истории, место, как наша компания, где мы постоянно предстоим перед чем-то, неподдающимся редукции, не позволяющим нам оказаться во власти всеобщего менталитета, потому что в конце концов все судят о себе по тому, что им удастся сделать. Однако если бы мы преуспевали бы в жизни только за счет наших дел, Христос нам был бы не нужен! Христос пообещал нам, что, следуя за Ним, мы начнем видеть новизну, которая появляется в жизни. Как понять, что мы на пути, который Он нам указал? По тому, соответствует ли он заложенному в нас ожиданию. Почему ты работала над школой общины? Чтобы дышать, чтобы почувствовать себя по-настоящему любимой. Только идя по пути (отец Джуссани, как никто, всегда помогал нам в этом), мы можем переживать в настоящем то же, что переживали ученики в отношении с Иисусом. Не то чтобы они не совершали такие же точно ошибки или не отходили в сторону, полагаясь на свои дела (например, когда хотели послать огонь с неба на самарян, не желавших обращаться, или когда выясняли, кто из них больше, или когда все обсуждали), но среди них всегда было Присутствие, которое несло иной взгляд на все. И они видели, насколько оно соответствовало тому, чего они желали, – быть любимыми. Так начинается иное «бытие».

В тексте школы общины я читаю: «Если я „есть“, потому что „любим“, то величайшая проблема моего существования... – это мой ответ: мой ответ Тебе, Который меня любит, мое соответствие, мое утверждение того, что Он изначально сотворил во мне именно для того, чтобы я мог заметить Его» (ср. С. 114). Я бы не хотела ограничиться в отношении этой мысли догадкой, к тому же, как мне кажется, не слишком точной. Не понимая вещи до конца, я рискую чередовать непостоянную восторженность моей человечности с волюнтаристским усилием. Помоги мне лучше понять, что означает это «утверждение»? Спасибо.

Видите? Верно было сказано в первом выступлении: все начинается с факта. Если я есть, то потому, что меня любят; я любим и, следовательно, существую. Это так, осознаешь ты это или нет. Мама любит меня, даже если я этого не сознаю, как часто бывает с детьми, которым нужно время, чтобы признать любовь. Мы любимы. Тайна не спрашивала нашего разрешения, чтобы любить нас; Бог послал Своего Сына и продолжает, как видите, предпринимать инициативу, достигает нас посредством множества знаков: каждый раз, когда мы встречаемся, возникает череда знаков, свидетельствующих о постоянной инициативе Тайны по отношению к нам. Это несомненный факт, как говорилось в первом выступлении. Это факт. Значит, проблема в другом. Проблема, «величайшая проблема» – в моем ответе, в том, чтобы я это осознал и ответил. Христианство учитывает все, в чем я нуждаюсь, чтобы заметить Его: весь потенциал моего «я», все мои дарования, которые оно превозносит. Действительно, не задействуя всю мою человечность, я не замечаю любовь Бога ко мне, даже если она продолжает присутствовать в моей жизни. Поэтому крайне важен момент, который подчеркнула ты: это величайшая проблема. Любовь Бога – несомненный факт, величайшая же проблема – мой ответ, то есть необходимость заметить ее и признать. А как я признаю? Как проверить, соответствует ли она мне? Когда я переживаю опыт освобождения, когда дышу полной грудью, что превозносится во мне, что утверждается? Мое сердце. Мое сердце превозносится, когда я дышу. А что превозносится, когда я признаю это? Мой разум, позволяющий мне признать. Когда я следую за событием, не желая его потерять, что утверждает христианский факт? Мою

свободу. А когда Христос «приклеивает» меня к себе, что утверждается? Моя привязанность. Христианский факт учитывает, утверждает все мое «я»! И поэтому одного только факта недостаточно. Он должен по-настоящему приводить в движение все «я» в самых его глубинах, заставляя работать и пробуждать каждый аспект моего существа, ведь только так я смогу понять, что значит быть любимым. А иначе, друзья, школа общины – это только фразы, никак нас не затрагивающие, и в результате мы продолжаем жить согласно другим ориентирам, сами того не сознавая. Посмотрим теперь на оставшуюся часть главы в действии, на то, как утверждается каждый аспект нашего «я».

Работая над седьмым пунктом об ответственности и решении, я заметил, что мне не удастся следовать за ходом мысли Джуссани. Во время школы общины я вдруг понял, что отстал. Я не могу понять, почему Джуссани связывает ответственность с тем фактом, что мы любимы. Для меня ответственность – волевое явление. Например, я женюсь и завожу семью, то есть беру на себя ответственность. Я что-то делаю на работе и несу ответственность за это. Замечательно, что мы любимы, но этот факт не слишком сказывается на моей жизни. Иначе говоря, я чувствую себя любимым, но моя жизнь от этого не меняется. Я бы хотел глубоко сознавать эту любовь, обращенную ко мне. Объясню почему. Недавно нам выпала благодать участвовать в великом событии: одна сорокалетняя женщина, благодаря встрече с нашим отцом Луиджи, который умер чуть больше месяца назад, крестилась. Мы оказались перед Христом, избравшим определенного человека и сделавшимся таким близким, таким очевидным. Но даже перед лицом подобных фактов решение всегда принимаю я, я беру на себя ответственность следовать за ними. Я по-настоящему благодарю Господа за этот подарок, но мне в голову не приходит мысль, что он представляет собой жест любви по отношению ко мне. Моя проблема в этом: оттого, что я любим, жизнь не меняется. Или даже хуже: я об этом знаю, но для меня ничего не меняется. Какое изумление должен испытывать человек, который «есть», потому что чувствует себя любимым!

Все именно так, и давайте посмотрим, как это происходит. Но сначала послушаем тех, для кого остается открытой та же проблема: жизнь не меняется.

«Природа решения – не энергичный акт воли». «Решение не может приниматься в волюнтаристском смысле» (С. 117, 115). По поводу этих фраз из седьмого пункта могу сказать, что я с ними согласна, что нахожу их освобождающими, поскольку они облегчают тяжесть моих усилий. Я могу сказать, что лучше уступить симпатии, чем добиваться личного успеха... Одним словом, я подтверждаю все, о чем читаю, эти вещи кажутся мне правильными и хорошими. Однако есть кое-какие проявления, настойчиво повторяющиеся в моей жизни, и они создают во мне постоянное ощущение неудовлетворенности: «Видишь, какая я, никогда не меняюсь, вечно совершаю одни и те же ошибки, и это в моем-то возрасте!» Моя воля находится в центре моего внимания, хотя, как мне кажется, я знаю, что решение – не волюнтаристский акт. Мое согласие останавливает меня, привязывает к уже известному. Я понимаю, что нужно сделать шаг вперед, а иначе я лишь измеряю собственные недостатки. Какой это шаг? Как его сделать?

Кто-то понял связь между тем, что мы любимы, и изменением, кто-то ее заметил?

Я заметила, благодаря простому факту. Работая над седьмым пунктом, я застряла на решении свободы. Джуссани говорит, что «ответственность проявляется в виде свободного решения перед лицом Присутствия, признанного полностью соответствующим нашей судьбе. Но слишком часто наш способ понимания свободного решения бывает ошибочным, как если бы это был поступок, зависящий в конечном счете от меня», волюнтаристское действие. Мне кажется, есть легкая неясность относительно того факта, что решение принимаю я. Думаю, здесь Джуссани хочет подчеркнуть источник решения, то есть ту человеческую нежность и симпатию, которые Петр питал ко Христу. Иначе говоря, речь о моем решении (я могу ответить и нет), но оно рождается от привязанности. Каждое утро мое решение возникает не из пустоты, а из определенной истории. Мне это стало понятней благодаря одному факту. Несколько дней назад я встречалась с одним учителем моих дочерей, и во время разговора ясно увидела, как он заботится об учениках, как он внимателен к тому, чтобы они ощущали, что их кто-то ждет. И правда, моя дочь рассказывает только о нем как об учителе, которому они действительно небезразличны. Она увлеченно учит его предмет, и не дай бог не сделать домашнее задание! Она чувствует, что кто-то ее ждет, а если тебя кто-то ждет, ты просыпаешься утром вовремя. И если в монотонности школьных будней есть что-то такое, непредвиденное, ты приходишь в движение. Наша открытость не усилие, она рождается от притягательности, от привязанности, как в случае Петра. Но мне хотелось бы, чтобы ты остановился на этом подробнее.

Тут не на чем останавливаться подробнее, ведь все так просто! Мы заходим в тупик, потому что думаем, будто сами должны произвести изменение. На самом же деле изменение – это как удивление перед чем-то, что происходит, когда идешь за притягательностью. Если бы ты стала волюнтаристски принуждать твою дочь, думая, что притягательности слишком мало, чтобы подвинуть ее на что-то, ты оказалась бы перед глухой стеной. Она же, как раз находясь перед чем-то притягательным, не упускает возможность прийти в движение: «Не дай бог не сделать домашнее задание!» В чем причина такого изменения? В том, что человек любим, в уважении, которое он чувствует по отношению к себе. Это не значит, что он отвечает механически, напротив, превозносится и утверждается вся свобода человека, вся его привязанность, и в результате он учится и делает домашнее задание. Вот что меняет жизнь. Отец Джуссани приводит такой пример: парень с кучей недостатков влюбляется; даже если девушка ему скажет нет, со временем его мама, зная его как облупленного, не сможет не признать, что сын изменился благодаря любви, которую он питает к этой девушке, – единственной силе, способной приводить в движение сердцевину человеческого «я». И потому крайне важно утверждение Джуссани: «Ответственность обеспечивает положительный исход опыта соответствия, который человек переживает перед чем-то притягательным [но нужно вовлекаться, это не происходит автоматически]» (Ср. С. 112). Если ты ограничиваешься наблюдением со стороны, то не испробуешь вкус жизни. В самом деле, именно в ответе, подобном ответу твоей дочери, увлеченной чем-то притягательным в школе, – «главный источник вкуса к жизни. [Мы не сознаем, что теряем!] Если ты не ответственен [если твоя дочь не следует за притягательностью, не приобщается к ней] в том, что тебе нравится [не в том, что неприятно], что тебя привлекает [не в том, с чем тебе труднее], если ты не участвуешь в нем, неся свою долю ответственности, то оно не твое [и твоя дочь не получит удовольствия от выполнения домашнего задания]. Поэтому рай [который начинается уже здесь] подразумевает твое решение, твою ответственность, ибо рай – для человека, а человек свободен» (Ср. С. 114–

115). Мы снова видим утверждение человека. Если не утверждается, не учитывается каждый аспект «я», ничто не станет нашим.

Я тоже затрону свободы и решения. В главе меня поразили некоторые моменты. Например: «Часто наш способ понимания свободного решения бывает ошибочным... я решаю сказать: „Да будет воля Твоя“. Нет, это совсем другое. Решение не может приниматься в волюнтаристском смысле (как синоним силы воли). <...> Для Петра это была дружба, не зависевшая от него, но рожденная в нем. <...> Итак, решение рождается как следствие симпатии» (С. 115, 117). Когда я перечитал эти строки, у меня начался небольшой кризис. Казалось, я понял, как «работает» отношение между моим «я», сего неискоренимым желанием счастья, и Тайной, единственной в состоянии его исполнить, и вдруг – такое определение свободы, которая, в противоположность тому, в чем нас раз за разом убеждают, не зависит от моего выбора, моего усилия и т. д. Я впадаю в кризис, поскольку мне кажется, что описанная подобным образом свобода является прежде всего плодом благодати, безвозмездным даром, а значит, можно было бы сказать, что она имеет мало отношения к моему решению прилепиться к Тайне, присутствующей в реальности. Проблема не в том, что мне недостает знаков Его присутствия: если я останавливаюсь и смотрю, Его легко признать в каждомдневном опыте и в предлагаемых нам свидетельствах. А вот присоединение, следование все еще зависят от моего «да», ведь я «должен больше стараться», «я все еще слишком часто предаю, я слишком слаб», «в чем-то мне еще нужно стать лучше» и т. д. В некоторые важные моменты моей жизни, когда было более очевидно, более ясно, что то, что происходило со мной, что от меня требовалось, было для меня, чтобы я стал счастливее, чтобы мог сильнее привязаться к Нему, в моменты, когда от меня требовалось следовать, я обычно отвечал если не «да», то «почему бы и нет!». Сказав нет, я упустил бы какой-то шанс для моей человечности, отказался бы от возможности стать в большей мере самим собой, а значит, стать счастливым. Благодаря такой позиции я преодолевал тысячи возражений и страхов, неизменно возникавших в те моменты. И мне никогда не приходилось жалеть о моем ответе! Прошу тебя, помоги понять, каким образом благодать симпатии является не альтернативой свободы, а ее наиболее полным выражением? Как не «обмануться» ответом любящему меня «Ты», данным за счет усилия моей воли и слишком слабым, а значит, никогда не достаточным?

Тебе выпадала благодать быть любимым?

О, да, еще какая!

«О»! Это была альтернатива твоей свободе или же твоя свобода наоборот пробудилась? Мы думаем: или благодать, или свобода. В действительности же, когда ты встретил твою будущую жену, ничто другое так не провоцировало твою свободу, как ее присутствие, как ее красота, ее притягательность. Понятно? Присутствие этого дара, этой потрясающей благодати, – то, что больше всего двигало твоей свободой. Это лишь блеклый пример того, что случилось, когда в историю ворвалось христианское событие: когда ученики встретили Христа, когда мы встретили христианское событие, это была встреча с воплощенной благодатью, пробудившей всю их и нашу свободу. Мы все сегодня здесь только из-за благодати, которая обрела конкретное лицо, имя, которая стала плотью и продолжает обитать среди нас, чтобы побуждать нас присоединиться к ней. Именно таким образом Тайна способствует нашему

спасению, ведь без возникновения симпатии свобода не движется, а значит, мы не принимаем никакого решения.

В пятницу на встрече старшеклассников выступили со свидетельствами Виттадини и Мирей из Камеруна. Пока говорил Виттадини, мне написала мама одного из моих учеников и спросила: «Кто этот человек?» Я была в замешательстве: она не из Движения, ее сын не участвует в GS, я ее знаю только потому, что ее младшая дочь учится в одном классе с моей. Я зашла в список участников – и действительно, этот мой ученик подключился. Я даже не знаю, кто его пригласил! Отвечаю: «Это Джорджо Виттадини». Она говорит: «Он рассказывает интересные вещи». Потом выступила Мирей. В какой-то момент мама пишет мне: «Удивительна женщина, и просто невероятно, как ей удается так хорошо выражать мысли, не будучи итальянкой. Видно, что то, о чем она рассказывает, действительно истинно!» Затем у меня дома случилась проблема, мне пришлось отключиться от встречи, и я ее не досмотрела. Вечером спрашиваю у мамы, не осталась ли она случайно в эфире. Она пишет: «Это было насыщенное и трогательное свидетельство. Я дослушала до самого конца. Спасибо». Меня это очень поразило. Случилось то же, что в начале случилось с Азурменди, с Петром, со мной.

Видишь? Что так притянуло эту женщину к двум незнакомым людям? Она не прошла вводный курс, знакомящий с ними, а просто оказалась перед двумя незнакомцами и не могла не увлечься, а потому осталась перед экраном до конца встречи. Люди, появляющиеся последними, свидетельствуют нам о простоте христианского факта, который происходит именно так. Благодать симпатии, возникающей в человеке, побуждает его присоединиться, досмотреть видео до конца. Для той мамы это присоединение не было сентиментальным или основанным на эмоциях. Оно имело отношение к разуму, это было проявление разумных причин, по которым ты привязываешься к человеку перед тобой. Но порой нам трудно это понять, правда?

Я хотела задать вопрос по тексту седьмого пункта. Что значит фраза: «Там, где возникает связь, перерастающая в глубокую симпатию... рациональность становится событием» (С. 117)? Спрашиваю, потому что в последнее время мой маленький город, работа в моей маленькой школе, моя маленькая компания друзей часто кажутся слишком тесными для меня. Если я смотрю на то, как действую, невозможно отрицать, что, привязанность, родившаяся от встречи, проявляется во всем: в истине, которую я ищу в диалоге с коллегами, во времени, которое провожу в подготовке к празднованию Рождества с моей школой общины, в моем желании следовать за вопросами, возникающими у моих учеников и ребят из GS. Все говорит мне о симпатии к тому, что в конечном счете определяет меня. Однако потом подключается разум, оставляющий место для возражения: «Не может быть, чтобы все ограничивалось этим. Ты всегда хотела жить в большом городе, в большой компании. Ты только посмотри, сколько недостатков у этих людей. Тебе уже двадцать шесть, но ты по-прежнему не нашла надежную работу и не завела семью, о которой всегда мечтала». И тогда ты начинаешь беспокоиться о будущем. «Как мне действовать, чтобы в следующем году моя жизнь стала более стабильной?» Разум, кажется, тормозит возможность в полной мере пережить привязанность ко Христу. Однако я читаю книгу Азурменди и понимаю, что для него все не так. Чем чаще он прибегает к разуму, чтобы описать, объяснить, понять то, что он видит в людях и местах, встречающихся на его пути, тем больше растет его

привязанность. Разум и привязанность идут рука об руку. Как я ему завидую! Мне ясно, что рациональность не соответствует мыслям. Но как сделать так, чтобы привязанность, симпатия, которые я замечаю в себе, были одним целым с моим разумом? Что значит, что рациональность – это событие? Мне кажется, что она рождается у меня в голове. Спасибо за то, что ты позволяешь мне ни от чего в себе не отмахиваться, так что все может превратиться в этом месте в вопрос.

Ты уловила важнейший момент и выразила его одной фразой: «Разум, кажется, тормозит возможность в полной мере переживать привязанность ко Христу». Потом ты добавила: «Я читаю книгу Азурменди и понимаю, что для него все не так». Действительно, Азурменди, используя разум определенный образом, не только не затормозил на своем пути: это все больше привязывало его к тому, что он видел. Каково отношение между привязанностью и разумом? Чтобы разум не превратился в мерило, Азурменди пришлось следовать за привязанностью, которую он испытывал, а не отрываться от нее, как случается с тобой. Если дочь нашей подруги, выступавшей ранее, отступит от привязанности к преподавателю, она перестанет должным образом использовать разум. Именно привязанность не позволяет тебе свести разум до меры. Поэтому установление дружбы, симпатии способствует правильному использованию разума, согласному с его природой, которая состоит в полной открытости перед реальностью. Знаешь, где, по мнению Джуссани, вершина рациональности? В Иоанне и Андрее. Иоанн и Андрей прилепились к Иисусу на полдня и благодаря этому, выйдя от Него, сказали: «Мы нашли Мессию». Они видели, как Он говорил, и их привязанность, тот факт, что они словно приклеились к Нему, позволили их разуму распахнуться, как и положено ему по природе, перед всеохватной реальностью Того Человека, от Которого они больше не отходили. И поэтому разум не разум, если он оторван от привязанности. Мы в глубине души рационалисты, и нам всегда не хватает элемента привязанности, поскольку для рационалистского менталитета привязанность – препятствие. Когда же умный человек вроде Азурменди, человек в высшей степени рациональный, позволяет своему разуму расширяться, распахнуться в восхищении перед фактом – настолько, чтобы последовать за ним, – это и есть рациональность. Нужно осознать это великое правило, великий метод, который подсказывает нам харизма, чтобы мы совершали наш путь. Человек может прочитать книгу Азурменди и через мгновение пойти в другую сторону, проверяя собственные попытки собственной же мерой. Нельзя привязаться к чему-то, а потом рассуждать в отрыве от того, что пробуждает в нем эта привязанность. Видишь? Мы разделены. И если нет чего-то, что помогает «я» быть цельным (а только так и можно познавать адекватным образом), если нет события в настоящем (как мы читали на школе общины), которое постоянно способствует новому познанию, мы в конечном итоге сводим христианство к сентиментальности, а разум – к рационализму. Гениальность же Джуссани – в предложении следовать за опытом. И правда, как вы свидетельствуете, если идти за простотой харизмы, что только ни случается, даже в невозможной, на первый взгляд, ситуации.

Хочу рассказать о двух моментах, случившихся с моей мамой и тесно связанных для меня с пунктом, над которым мы работаем на школе общины. Моя мама состоит в Братстве, но уже двадцать лет из-за здоровья не может участвовать во встречах и упражнениях. Несколько недель назад наши друзья из Испании в рамках Encuentro Madrid устроили вечер песен. По причине санитарной ситуации он проходил онлайн, и мы с мамой посмотрели его. Меня поразило, что маме понравилось наше португальское фадо (да и как иначе?!), но по-настоящему она растрогалась во время последней песни – La strada, которую наши друзья

спели все вместе с Бенедетто Кьеффо. Мама даже пробовала подпевать и была взволнована до слез. Я подумала: это суждение. Было очевидно, что суждение – не интеллектуально сформулированное мнение о реальности, а движение сердца, ощущающего ответ на пути благодати, как случилось с моей мамой! У нас нет никаких оправданий! Она прикована к постели уже двадцать лет, но ее сердце не утомляется, не становится меньше! Вспоминается, как на Дне начала года ты настаивал на том, как важно смотреть: когда ты позволяешь себя породить, рождается привязанность. Несколько дней назад у нас были реколлекции Братства по зуму, и мы с мамой в них участвовали. Она послушала все, и лекцию, и собрание! Меня поразило то, что в школе общины говорится о Петре: «„Да“ Петра не было ни следствием силы воли, ни следствием „решения“ человека Симона; в нем проявились, всплыли на поверхность вся нежность и преданность, объяснявшиеся тем, как Петр ценил Его (поэтому это был акт разума); по этой причине он мог сказать только да» (С. 116–117). С моей мамой произошло именно это, хотя она лежала в кровати и не произнесла ни слова! И я подумала: сколько же «клея» было и остается в жизни моей мамы (даже после двадцати лет, в которые она не ходит на встречи общины), в дружбе со множеством друзей и членов семьи, в ее личном отношении с Иисусом, что в такой неожиданный момент проявляется эта глубокая симпатия, это суждение, полное любви, которое касается и меня! Что тут можно возразить? Чего нам еще не хватает? Что нас может до сих пор сдерживать? Я говорю это не с возмущением, а принимая вызов, который вижу для себя, как я вижу его в твоей компании, Хулиан, когда ты смотришь на все происходящее, в том числе этот таинственный и тяжелый период вируса как на хорошую возможность, вновь представляющую перед нашей свободой, новую возможность рискнуть, бросить вызов пустоте всех моих мыслей, проектов и мнений, а также бремени обстоятельств, чтобы сказать «я» перед тем «Ты», которое становится все более близким, конкретным, реальным, все более Отцом. Спасибо.

Спасибо тебе, дорогая. Никакие условия, даже когда человек двадцать лет прикован к постели, не могут препятствовать трепету, который рождается в твоей маме благодаря ее «да», потому что речь не об усилении одержимых людей, а о том, что, как для Петра, в нас «всплывают на поверхность вся нежность и преданность, объяснявшиеся тем, как он ценил Его» (Ср. С. 116–117). Изначальное изумление Петра, как ты сказала, не было сентиментальным, это было суждение, которое «приклеивало» Петра и учеников к Нему. Каждый день «добавлял клея», и они уже не могли высвободиться из этих уз. Благодаря этому можно следовать за событием в настоящем даже после двадцати лет, проведенных в постели, и жизнь меняется – до слез, как для твоей мамы. Такое обещание дает нам Христос, в какой бы ситуации мы ни жили.

Следующая школа общины состоится в среду, 20 января. В этом месяце мы будем работать над восьмым пунктом второй главы, который называется «Конкретная форма избрания – храм во времени» (С. 118–129).

Книга месяца на январь – мой текст о воспитании, опубликованный в издательстве *Edizioni San Paolo (Educazione. Comunicazione di sé)*. Книга доступна в электронном формате (только на итальянском языке). Мы предлагаем ее всем, поскольку прекрасно знаем (и это чувствовалось и в некоторых сегодняшних выступлениях), что воспитание – тема не только для «специалистов». Все мы в каком-то смысле воспитываем, поскольку каждым нашим жестом выражаем, кто мы, в чем наша опора. Иными словами, как говорил отец Джуссани, «воспитывать – значит сообщать самих себя», и именно таким образом мы в конце концов

влияем на мир, в котором живем, внося наш вклад в «Образовательный пакт», который предложил папа Франциск, чтобы «формировать зрелых людей», способных «восстановить ткань отношений ради более братского человечества». Воспитание – постоянное измерение личности, и с помощью этого текста мы хотим помочь друг другу прежде всего осознать это.

Мы подошли к Рождеству, поэтому попросим у Богородицы, чтобы в эти дни мы были готовы, внимательны, попросим о простоте духа, полного желания, которое проистекает из уверенности, что мы избраны. Как мы видели и сегодня вечером, когда мы оказываемся перед подлинным присутствием, оно увлекает нас. Поэтому давайте переживать это время как возможность, даваемую нам Тайной, чтобы мы заметили Его присутствие среди нас (потому что без конкретной человеческой реальности мы жили бы в полном забвении), чтобы мы не скатились до волюнтаристских усилий, чтобы нашли поддержку в симпатии, которая все увлекает за собой. Факт, маленький, как младенец, («дуновение» – сказал бы Джуссани), изумляет нас и покоряет, потому что он знает всю нашу человечность и соответствует ей. Рождество по сути все упрощает, событие все упрощает, как мы слышали в некоторых выступлениях сегодня. Это и есть переворот метода: не усилие по достижению чего-то, а простота встречи, которая увлекает нас и к которой мы прилепляемся, чтобы ее не потерять.

Всем счастливого Рождества!

Veni Sancte Spiritus